

НАРОДНЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.)

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Народный демографический календарь как объект социально-исторического исследования (по материалам русского населения Сибири второй половины XIX – начала XX в.) / В. А. Зверев // Актуальные вопросы истории Сибири: III Науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина: материалы Всерос. конф. / под ред. Ю. Ф. Кирюшина, В. А. Бородавкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 306–309.

Целью настоящего выступления является введение в научный аппарат социальной истории и смежных с нею дисциплин (этнологии, демографии, социологии) понятия «народный демографический календарь» и некоторых производных от него понятий. Мы постараемся также представить структуру исследования того явления, которое маркируется этим понятием, а также сделать обзор источников для изучения русского народного календаря в Сибири второй половины XIX — начала XX в.

В этнологии давно употребляется понятие «народный календарь», главным образом при изучении традиционных народных праздников и обрядов сезонного цикла (праздники первозимья, святки, Масленица, Семик-Троица и т. п.) и тесно связанных с ними феноменов материальной и духовной культуры. Тем историкам России, которые работают на «пограничье» с этнографией, это понятие в данном определении привычно, оно используется ими при изучении эволюции некоторых сторон массовой культуры крестьянства и городских низов. В самом широком понимании народным календарем можно называть стереотипный способ хронологической организации в течение года всей повседневной жизни малых и больших социальных групп в его ментальной и социокультурной обусловленности. Фактически в рамках такого широкого представления в народном календаре ученые выделяют различные составляющие: календарь хозяйственной деятельности, общинно-церковной жизни, семейный календарь, детский народный календарь и т. д. Мы предлагаем различать еще и демографический компонент народного календаря как специальный объект изучения.

На самом деле, как показали наши пилотные разработки (см.: Зверев В.А. Годовой круг деторождений в селениях Сибири: влияние природы, экономики и религии // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 2. С. 31–35), а также исследования историков Б. Н.

Миронова, А. Н. Сагайдачного, рассматривавших данный вопрос попутно с иными, у русских во второй половине XIX — начале XX в. важнейшие демографические события – рождения, браки и смерти – распределялись по месяцам года и сезонам не хаотично, а в строгой закономерности. Например, в селениях Сибири 50–60 % всех свадеб происходило за короткий период в январе-феврале (от Крещения до Масленицы); пик рождаемости приходился на июнь-июль, что тесно коррелировало с резким усилением смертности летом, когда количество умерших превышало среднегодовой уровень более чем в два раза. Исследователи переселенческого движения в Сибирь отмечают, что у основной массы аграрных мигрантов календарное время выезда с родины и прибытия на новые места поселения тоже ежегодно подчинялось некоторым закономерностям. Такие закономерности складывались на уровне локальной, региональной или национальной совокупности семейных ячеек, в пределах конкретной церковно-приходской или волостной общины, конфессионального, сословного, регионального сообщества и т. д., поэтому можно говорить о семейном, городском, переселенческом, православном, общенациональном и иных разновидностях народного демографического календаря.

Установление существующих в пределах избранной социальной общности *закономерностей годового распределения* демографических событий по месяцам и сезонам – первый шаг в деле исследования демографического календаря. Далее возникает необходимость выяснить и охарактеризовать *условия и факторы*, детерминировавшие именно такое чередование и размещение демографических событий. Всю совокупность этих факторов можно разделить на две группы: внешние по отношению к изучаемому субъекту образа жизни (природно-географические, климатические, биологические, политико-административные, социально-экономические и пр.), а также присущие самому субъекту – культурологические и ментально-психологические. Внешние факторы действовали либо непосредственно, либо опосредованным образом, преломляясь через менталитет и культурно-религиозные установки (демографические представления) народа, и формировали определенный тип и формы демографического – матримониального, репродуктивного, жизнесохранительного, миграционного – поведения людей.

Собственно, главной задачей ученого, изучающего народный демографический календарь, и является выявление, описание и объяснение тех объективно демографических (субъективно они не обязательно имели отношение к демографии) *представлений, установок, стереотипов*, которые через серию поступков обуславливали в осенне-зимний сезон разгул свадебной активности, летом – наплыв в сибирские деревни «лапотонов» из Европейской России, громадную смертность младенцев от «кровавого поноса» в июле-августе и т. п. Это *поведение*, частично сознательно регулируемое, частично неосознан-

ное, имело сезонную специфику и потому приводило к учащению или замедлению во времени, различному сезонному оформлению демографических процессов.

Нужно стараться дать системную характеристику изучаемого объекта. Только при этом обнаруживается взаимозависимость разных форм демографического поведения: годовая динамика рождаемости тесно коррелировала с распределением смертности и т. д. При этом для историков чрезвычайно важно *проследить эволюцию* народного демографического календаря во времени – и в эпоху традиционного общества через инновации, и в период модернизации культуры путем вытеснения традиционных форм современными, рациональными.

Применительно к периоду второй половины XIX – начала XX в. исследование демографического народного календаря в Сибири обеспечено разнообразными достоверными источниками. Первую группу источников составляют материалы демографической и медицинской статистики. Нами уже вовлечен в научный оборот большой комплекс обобщающих демографических и врачебных данных о ежемесячном распределении брачности, рождаемости и смертности в отдельных сибирских губерниях и областях за 1870–1880-е, 1902–1904 и иные годы. Они имеют либо официальное – административное – происхождение, либо являются плодом инициативной работы статистиков-энтузиастов из числа врачей, педагогов (А. К. Белявский, В. П. Гедройц-Юраго, А. И. Ефимов и др.), обработавших в свое время большие массивы метрических книг. Возможности опубликованных обобщающих источников еще не исчерпаны, но нужно всячески приветствовать создание новых баз данных о демографических событиях на основе сохранившихся до нашего времени метрических книг сибирских церковных приходов (в последние годы этим успешно занимаются Ю. М. Гончаров, А. Н. Сагайдачный, В. И. Баяндин и др.).

Описательные источники представляют вторую группу фактических материалов, которая имеет при изучении демографического календаря не менее важное значение. Во-первых, она дополняет статистическую информацию авторитетными свидетельствами по тем местностям, которые нашли слабое количественное отражение. Во-вторых, именно нарративные источники дают возможность *объяснить* статистически установленные закономерности демографического календаря. К данной группе материалов относятся ежегодные отчеты врачей и медицинских врачебных учреждений различного уровня – от сельского врачебного пункта и городской лечебницы до Медицинского департамента, а с начала XX в. – Главного управления врачебного инспектора МВД. В них дается профессиональная оценка условий распространения различных болезней, тех усилий, которые предпринимало население для борьбы с ними. Хороший потенциал имеют многочисленные этнографические, экономические, медико-топографические описания крестьянского и

городского быта, в которые вкраплены сведения календарного характера. Значимы мемуарные источники, материалы периодической печати и даже делопроизводственная документация, где отразилось, в частности, модернизирующее влияние администрации, официальной медицины, рационально мыслящей интеллигенции на образ жизни сельчан и горожан.

У народного демографического календаря имеется как собственно демографическая, так и этнографическая, культурологическая, социологическая, медико-антропологическая составляющие. Мы убеждены, что демографический народный календарь и производные от него варианты — семейный, миграционный, городской, крестьянский и иные — имеют хорошую перспективу для специального исторического исследования на современной междисциплинарной основе.